

XIX века, очень часто букву *io* принимают за *y* и делают ошибки в воспроизведении звукового состава слов.

Несколько слов о русской части книги К. Реден. В «Указателе русских слов», помещенном в конце книги, вкрались опечатки, напр.: *благословляю* вместо *благословляю*, *вечерника* вм. *вечеринка*, *восемьнацать* вм. *восемнадцать*, *звячий* вм. *заячий*, *ззезда* вм. *звезда*, *оборолился* вм. *оборонился*, *пощипал* вм. *пощупал*, *сдетило* вм. *светило*, *тятело* вм. *тяжело*. В словарных статьях эти слова переданы правильно.

Как в «Указателе русских слов», так и в словарных статьях следующие слова переданы в орфографии Волегова: *анбар*, *березник*, *естьли*, *лож*, *остегнул*, *семдесят*, *пятдесят*, *шолк*. Эти русские слова в списке 1848 года написаны так же.

В рецензируемой книге следующие слова передаются, по-видимому, в орфографии списка 1833 года: *бадог* вм. современного литературного и помещенного в словаре 1848 г. *багог*, *богатыр* вм. *богатырь*, *выдалбленный* вм. *выдолбленный*, *грузли* вм. *грузди*, *досяда* вм. *досада*, *заблудался* вм. *заблудился*, *икон* вм. *икона*, *клауза* вм. *кляуза*, *у экипажи* вм. *у экипажа*, *крестил* вм. *крестился*, *кресть* вм. *крест*, *ласочка* вм. *ласточка*, *нарубал* вм. *нарубил*, *одинакий* вм. *одинокий*, *обедна* вм. *обедня*, *олады* вм. *оладья*, *оплошил* вм. *оплошал*, *куринный* вм. *куриный*, *смородник* вм. *смородинник*, *страшал* вм. *страшил*, *ярмонка* вм. *ярмарка* (в списке 1848 г. также *ярманка*).

В перечисленных словах отражаются севернорусские диалектизмы (*анбар*, *ярмонка*, *бадог*, *грузли*, *березник* и др.) и орфография того времени (*шолк*, *пятдесят*,

семдесят, *естьли*), а также ошибки и опiski автора списка словаря 1833 года (*ласочка*, *кресть*, *клауза* и др.).

Некоторые русские слова Реден все же сам перевел на современную русскую орфографию, например: *беспалый*, *бесплодный* и т. д. Приставка *без-* в этих словах до 1918 года писалась через *з*, в оригинале 1833 года, несомненно, было *безпалый*, *безплодный* и т. п. Мы считаем, что лучше было бы перевести на современное правописание (кроме явных диалектизмов) все слова, приведенные в «Указателе русских слов», оставив без изменения орфографию переводов на русский язык в словарных статьях. От этого не снизилась бы ценность словаря, выражающаяся в публикации коми-пермяцкой лексики с комментариями.

Умело комментированное издание коми-пермяцкого лексического материала первой половины XIX века само по себе уже представляет научную ценность, тем более, что опубликованный труд содержит данные, которые уже утрачены в современных диалектах коми-пермяцкого языка, напр.: *вей* 'храбрый', *вечжъ* 'десятина', *есканъ* 'вера', *жоймэмъ* 'бледный', *зарагумъ* 'дудка', *зегьянъ* 'лихорадка', *канъ* 'бок', *шикылъ* 'эхо', *саричъ* 'морда (рыболовная)', *серакумъ* 'доношение, представление', *чжанъ* 'илим, илем (дерево)', *чульсъ* 'почка', *эзынъ* 'гавань', *сюрсъ* 'тысяча' и многие другие.

Наши критические замечания несколько не снижают ценность рецензируемой книги, которая представляет собой полезный труд по финно-угорскому языкознанию.

Т. И. ТЕПЛЯШИНА, В. И. ЛЫТКИН
(Москва)

<https://doi.org/10.3176/lu.1970.2.12>

А. М. Рот, Венгерско-восточнославянские языковые контакты. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1969.

23 мая 1969 г. в Институте языкознания Академии наук СССР доцент Ужгородского госуниверситета А. М. Рот успешно защитил докторскую диссертацию на вышеуказанную тему. Оппонентами на защите выступили В. И. Лыткин, И. А. Дзедзелевский и К. Е. Майтинская. Ниже следует несколько сокращенный текст одного из оппонентских отзывов.

Рецензируемая работа представляет собой фундаментальное и всестороннее исследование. О его фундаментальности можно судить уже по его объему: 1055 страниц, из которых только текст исследования занимает 946 страниц. Все затронутые вопросы рассматриваются детально. Автор стремился охватить всю проблематику языковых контактов. Для

этого он проанализировал большое количество произведений теоретического плана на очень многих языках. Автор рассматривает вопросы языковых контактов не только в особых условиях взаимодействия языков социалистических стран, но также и в других социолингвистических условиях.

Вопросы языковой интерференции в диссертации изучаются комплексно: используются достижения не только языковедов, но и историков, этнографов, археологов, психологов, причем они оценены с точки зрения марксистско-ленинской философии.

Диссертант поставил себе целью доказать, что контактирование венгерского языка с восточнославянскими началось значительно раньше (еще в VII в. н. э.) и было более интенсивным, чем это принято считать на основании имеющихся специальных исследований (стр. 440). Он стремился также проследить развитие языковых контактов между венгерским и восточнославянскими языками и выяснить исторические причины данного развития. Для решения этой задачи А. М. Рот исследовал этимологии многочисленных венгерских слов и сумел доказать, что многие из них заимствованы из восточнославянских языков, хотя до сих пор одни из них приписывались южно- или западнославянским языкам, а о других не было известно, какой из славянских языков послужил их источником. Привлечены также данные на фонетическом (фонологическом), морфологическом и синтаксическом уровнях. Некоторые доказательства диссертанта могут восприниматься как спорные, но большинство из них верны. На основе рецензируемой работы в решение вопроса об исторических связях венгров и восточных славян, а также о соответствующих языковых контактах нужно внести значительные поправки.

Большую ценность представляет диссертация и для изучения теории языковых контактов вообще. В ней рассматривается и критически оценивается развитие научной мысли в связи с изучением языковой интерференции в Советском Союзе и за рубежом. Выяснены типы контактов в различных исторических условиях, прослежены и критически оценены методы изучения языковых контактов, рассмотрены принципы этимологизации и критерии

надежности этимологий и много других теоретических вопросов. Независимо от того, выяснены ли эти вопросы полностью или частично самим диссертантом или только изложены на основе других исследований, широкое обобщение всех этих проблем в одном труде, их удачное объединение в одно органическое целое делает диссертацию как бы справочником для дальнейших подобных исследований.

Диссертантом представлен большой фактический материал. Им использованы летописи, архивные материалы, разного рода памятники языков и диалектов, списки слов и другие письменные источники, а также в полевых условиях записан большой и разнообразный диалектный материал. Список информантов со всеми необходимыми сведениями приложен к диссертации.

А. М. Рот умело излагает взгляды тех или иных авторов на соответствующие вопросы. В его интерпретации легко понять, в чем расходятся, например, мнения Уитнея, Прицвальда, Доза, Мейэ, Сепира, Шухардта, Росетти, Соважо, Сербренникова и других авторов по поводу проницаемости различных уровней языка (стр. 10—11). В другом месте (стр. 111—113) читателю так же подробно объяснены различия во взглядах Книежи, Вранчича, Миклошича, Моора на конкретные языковые источники славянских заимствований в венгерском языке.

Особого внимания заслуживает раздел диссертации, посвященный многосторонним контактам языков и диалектов южнокарпатского ареала. Автор убедительно показывает пути развития особых ареальных «карпатизмов», которые свойственны всем контактирующим языкам этой территории.

Большое внимание уделяется в работе этимологизации интересующих диссертанта заимствований и проникновений в венгерском языке.

А. М. Рот приводит исторические данные по развитию звуковой оболочки и семантики слова, прослеживает его функционирование в литературных памятниках и диалектах, определяет языковый источник, выявляет степень надежности этимологии в зависимости от количества и качества критериев комплексного этимологизирования, приводит цифровые дан-

ные о степени общезыковой ассимиляции.

Естественно, что и в данной диссертации имеются некоторые неточности, спорные положения, противоречия.

На стр. 153 диссертантом приводится точная дата выделения венгерского языка из угорской языковой общности: X век до н. э. В другом же месте (стр. 424) А. М. Рот называет иную дату: первую половину I тысячелетия до н. э. Неясно, какую из этих дат автор считает верной.

Один из больших разделов диссертации называется «Принципы и методы этимологического анализа восточнославянских лексических заимствований и проникновений в венгерском языке» (стр. 255). Однако автором не приведено никаких особых принципов, применяемых к исследованию этимологий именно данных конкретных языков. Как нам кажется, таких принципов вообще не существует. Только критерии могут быть особыми, индивидуальными в зависимости от исследуемых языков.

На стр. 445—449 утверждается, что в некоторых случаях те варианты морфем или слов, в которых имеется веларный гласный, передают меньшую степень абстракции и более конкретизированы, чем варианты с палатальными гласными. Применяя данное положение к этнонимам *Megyeri* и *Magyer*, *Mogyeri*, А. М. Рот считает, что этноним *Megyeri*, содержащий палатальные гласные, был названием одного конкретного племени, а этноним *Magyer*, *Mogyeri* — названием более абстрактной общности, т. е. всех венгров. Из этого следует, что вариант *Megyeri* был первичным, а *Mogyeri* — вторичным, а не наоборот, как это считают многие исследователи. Подобным же образом, по мнению диссертанта, самоназвание мансийского народа имело два варианта: *meńś* и *mońś*, причем первым и первичным вариантом с переднерядной огласовкой обозначалась более конкретная и меньшая этническая группа, а вторым вариантом с заднерядной гласной — более абстрактная и более значительная этническая группа, в которую входили разные племена. Правильно критикуя других авторов за произвольное объяснение значения слов звуковой символикой, диссертант применяет такие же рискованные объяснения для дифференциации значений

вариантов *Megyeri* и *Mogyeri*, *meńś* и *mońś*. На наш взгляд, дифференциация значений у этих слов не была обусловлена символическим восприятием палатальности или веларности гласных, как и не обусловлено символизацией гласных расщепление значений у слов типа *család* ~ *cseléd*, *dobban* ~ *döbben*, *kavar* ~ *kever* (см. L. Grétsy, *A szóhasadás*, Budapest 1962, стр. 100—110). Просто у подобных слов-вариантов, имеющих обычно одну этимологию, по разным причинам происходила дифференциация значений.

Спорно рассуждение автора о том (стр. 479—481), что по соотношению количества гласных и согласных в речевом отрезке консонантный коэффициент венгерского языка снизился под влиянием славянских языков. Для доказательства А. М. Рот пользуется статистическими данными, приведенными В. А. Никоновым, согласно которым на 100 гласных в русском языке приходится 137 согласных, в венгерском же — 140, в мансийском — 150, в хантыйском — 153. Из этого В. А. Никонов сделал вывод (и диссертант с этим выводом согласен), что для угорской языковой общности был характерен более высокий консонантный коэффициент, чем ныне в венгерском; в этом языке он снизился под влиянием славянских, а также тюркских языков. Однако, на наш взгляд, подобные выводы особенно спорны при сравнении двух языков, в которых консонантные коэффициенты расходятся лишь незначительно, как в данном случае в русском и угорских языках. Ведь выведенные коэффициенты в какой-то степени всегда условны, так как они зависят от особенностей текстового материала, использованного для статистических вычислений. Так, по данным, приведенным Л. Хакулиным (*Развитие и структура финского языка I*, Москва 1953, стр. 14), в русском языке на 100 гласных приходится 150 согласных, т. е. приблизительно столько же, сколько, по данным В. А. Никонова, имеется в обско-угорских языках и предположительно имелось в праугорском языке. Более того, по хантыйскому тексту, приведенному в третьем томе труда «Языки народов СССР» (Москва 1966), на 100 гласных приходится только 140 согласных.

Мы сомневаемся также в том, что венгерская модель сложного будущего

времени развилась под влиянием немецкого языка (стр. 482). Сложные формы будущего времени подобного типа образовались или находятся в стадии образования в ряде финно-угорских языков, например, в мордовских, но эти формы возникли параллельно в результате весьма естественного процесса, наблюдаемого во многих языках мира независимо от их окружения. Немецкое влияние при возникновении данной формы было бы вероятным лишь в том случае, если бы при образовании венгерской сложной формы будущего времени использовался вспомогательный глагол со значением 'становиться' типа немецкого *werden*. Однако в венгерском языке служебным глаголом будущего времени стал *fogni*, имевший значения 'держаться, начинать; приступать', ср. *hozzáfogni*.

Стремясь объяснить утрату значительного количества слов древней лексики, связанной с рыболовством, автор выражает Э. Моору (стр. 526), который считал причиной этого явления экстралингвистический фактор: предки венгров переселились в районы, где не было природных условий для рыбной ловли. Сам же диссертант дает менее вероятное объяснение: за 700—1000 лет, которые предки венгров провели в Заволжье, «из их языка могло арханализоваться и выпасть 24 лексемы» лексико-семантической микроструктуры рыболовства финно-угорского происхождения.

На стр. 656 диссертант утверждает, что венгерское слово *delegáció* 'делегация' заимствовано недавно из русского или украинского языков. Однако венг. *delegáció*, по данным историко-этимологического словаря венгерского языка, в венгерском языке зафиксировано уже с 1818 года, причем, по всей вероятности, употреблялось значительно раньше, потому что с 1818 года известно и его производное *delegálni* 'делегировать'. Слово *delegáció*, по данным того же словаря, заимствовано либо непосредственно из латинского языка, либо передатчиком был какой-либо европейский язык. Трудно поверить, что закарпатские венгры и прежде всего жители городов не знали такого весьма важного слова как *delegáció*, ведь слово *küldöttség*, созданное венгерскими

обновленцами уже в 1808 году, очевидно, появилось как замена иностранного *delegáció*.

Иногда трудно определить, из какого славянского языка заимствовано то или иное слово. Так, *kánya* 'коршун', по сведениям диссертанта (стр. 700), хотя и зафиксировано в Закарпатском областном архиве только с XVIII века, все же не обязательно заимствовано из украинского языка. В памятниках венгерского языка, по данным Г. Барци (G. Bárczi, A Magyar Szófejtő Szótár, Budapest 1941), оно зафиксировано с начала XIII века. По своему звуковому облику венг. *kánya* может восходить как к украинскому диалектному *каня*, так и к словенскому *kanja* (см. словарь Г. Барци).

Рукопись хорошо оформлена. Все же по редактированию и оформлению ее можно сделать некоторые замечания.

Прежде всего, диссертация несколько растягнута. Иногда слишком подробно излагается содержание работ других авторов. Так, история развития венгерских диалектов, начиная со стр. 153 до стр. 213, описывается на основе известных работ венгерских языковедов (Б. Кальмана, Л. Бенкё) без критических замечаний. В главе «Древневенгерские-древнерусские языковые контакты» 20 страниц (стр. 404—424) посвящено вопросу о прародине финно-угров; этот раздел можно было бы целиком опустить, поскольку, как правильно отметил сам диссертант (стр. 425), для выяснения вопроса древнерусско-венгерских связей отправным пунктом служит вопрос о времени встречи предков венгров с башкирами, т. е. о времени, когда венгры уже выделились не только из финно-угорской, но и угорской общности.

Поскольку диссертация не разделена на параграфы, часто трудно было сослаться на уже изложенные положения, в связи с чем в работе нередко встречаются ненужные повторы.

Можно было бы привести еще некоторые другие замечания, но в этом нет необходимости, потому что они, как и замечания, приведенные выше выборочно, не снижают общей оценки работы.

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)